

18+

Анатолий Самоваров

**ВСЁ НЕ КАК
У ЛЮДЕЙ**

Роман

Анатолий Самоваров

Всё не как у людей. Роман

«Издательские решения»

Самоваров А.

Всё не как у людей. Роман / А. Самоваров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-592136-9

В стране полным ходом продолжают реформы, которые не обошли стороной российскую деревню. У главных героев сложные взаимоотношения, у каждого из них свой взгляд на происходящие в жизни перемены. Василий Дробнов, вернувшись из Москвы после ссоры с женой, с тоской смотрит на разваливающееся родное село, утратив веру в то, что его можно возродить. Но целеустремлённость его односельчанки заставляет Василия поменять свои взгляды.

ISBN 978-5-00-592136-9

© Самоваров А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Всё не как у людей
Роман
Анатолий Самоваров

© Анатолий Самоваров, 2022

ISBN 978-5-0059-2136-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

С железнодорожного вокзала Дробнов приехал на такси, не стал дожидаться автобуса. С дорожной сумкой на плече направился к соседке, одинокой пенсионерке, Прониной Дарье Петровне, за ключами от своего дома. Был удивлён, когда дверь ему открыла молодая женщина.

– Василий Николаевич? – поздоровавшись, спросила незнакомка.

– Он самый, Василий Николаевич, – ответил Дробнов и в свою очередь спросил:

– А Вы кто будете, если не секрет?

– Почему же секрет, – приветливо улыбаясь, промолвила женщина. – Я племянница Дарьи Петровны, Наташа.

– Странно, – прогудел Василий. – Дарья Петровна мне про Вас ничего не говорила.

– А я недавно приехала с Урала, – призналась Наташа и, облегчённо вздохнув, промолвила. – Пойдёмте, я Вам ключи отдам. Тётя Даша в больнице, завтра выпишут.

Дробнов покорно зашагал за женщиной, догадываясь, что Дарья Петровна рассказывала своей племяннице о Василии только хорошее, иначе бы Наташа постороннего в дом не пригласила.

– А Вы как, в гости? – поинтересовался Дробнов, когда Наташа положила ключи на стол.

– Как получится, – неопределённо ответила женщина.

– А что, на Урале плохо? – спросил Василий, пряча ключи в кармане кожаной куртки.

– Мне плохо, у меня там никого не осталось.

– Понятно, – участливо выдохнул Дробнов, и только направился к двери, как Наташа остановила его.

– А давайте я Вас чаем угощу, – сказала она так, что Дробнов не посмел отказаться.

Только сейчас Василий внимательнее разглядел племянницу Прониной. Высокая, статная, светлые волосы уложены в строгую причёску.

– А Вы надолго? – спросила вдруг Наташа, разливая по чашкам чай.

– Как получится, – выдохнул Дробнов, скопировав ответ женщины на свой вопрос.

Он допил чай в прикуску с бутербродом, поблагодарил хозяйку и заключил:

– Соседи значит. Приходите в гости

Племянница Прониной в ответ лишь зарделась румянцем, ничего не сказав.

Отдыхать Василию не хотелось. Впереди было много дел. На первом плане было посещение погоста, затем хотелось встретиться с друзьями, оставшимися в селе.

Дробнов попытался завести свой «Хантер», но вспомнил, что оставил его перед отъездом в Москву с неисправным стартером. Чертыхнулся, что забыл приобрести выжимной подшипник, и прикинул, у кого в селе можно одолжить эту запчасть. Кроме Виктора Михайловича Михеева, Василий не мог припомнить никого, кто мог бы его выручить. Правда, к Михееву идти не хотелось. Но желание починить внедорожник взяло верх.

Василий долго топтался возле ворот дома Михеевых, несколько раз нажимал на кнопку звонка, но никто не отзывался. Подойти к окну не давал огромный пёс, скаливший пасть за металлической изгородью палисада.

– Да что вы там, умерли что ли, чёрт побери! – выругался Дробнов и хотел уже идти восвояси. Наконец по ту сторону железных ворот послышались шаги, и вскоре в проёме распахнутой двери показалось сердитое лицо хозяина.

– Здорово, Михалыч! – прогудел Дробнов. – Как жизнь? Как дела?

– Дела как сажа бела, – со вздохом ответил Михеев и пригласил гостя в дом.

Пока шли через двор, Михеев, словно оправдываясь за свою сердитость, жаловался:

– Оно, как говорится, жизнь бьёт ключом и всё по голове. Жена уехала в город по делам, а всё хозяйство на мне. Кручусь веретеном

Дробнов почувствовал себя виноватым, что потревожил Михеева, но промолчал, не стал извиняться. Лишь когда оказались в просторной кухне, желая выразить сочувствие, Василий промолвил:

– Да, Михалыч, хозяйство у тебя большое, тут дремать некогда.

Михеев, взглянув на Василия из-под белесых бровей, покачал коротко стриженной головой и усмехнулся, будто прочитав в глазах Дробнова то, о чём тот не договорил, что, мол, тебе ли жаловаться: хороший дом, неплохая жена, приличный достаток.

– Оно ведь, как говорится, со стороны хорошо смотреть, -заговорил Михеев.-А когда сам возьмёшься за дело, поймёшь, как копейка-то достаётся.

– Это точно, -только и смог выдать из себя Василий, не желая продолжать этот разговор. Не очень-то любил он разговаривать с Михеевым. Тот постоянно прикидывается таким незнающим и непонимающим. Будет выспрашивать, выпытывать, а потом обязательно выложит козырного туза: «Оно, как говорится, жить-то уметь надо.»

Михеев слыл в селе человеком скупым и в то же время трудолюбивым. Правда, трудолюбие его проявлялось лишь дома, в личном хозяйстве. В совхозе он себя не перетруждал. Вечно ссылался на то, что трактор у него сломан или сам прибалывает. Но люди-то понимали, что больной человек не сможет держать на своём подворье несколько голов свиней, коров, дюжину овец и целое стадо гусей. Знали и то, на каких кормах вся эта живность вырастает.

– Вот и чаёк, -разливая по чашкам горячий напиток, произнёс Михалыч и подвинул поближе к Василию вазу с конфетами.

Дробнов выпрямился на стуле, поправил на непокрытой голове русые волосы и уставил взгляд голубых глаз на парок, поднимающийся над фарфоровой чашкой. Сделав несколько глотков, произнёс то, для чего, в общем-то, и пришёл:

– Михалыч, выжимной у меня на стартере полетел. Может, у тебя есть?

Михеев поставил свою чашку и нехотя ответил:

– Ну, есть.

– Так, выручи.

– Эх, Василий! Всех вас выручи! Грамотный мужик, пятый десяток давно разменял. Знал, какое время грядёт, а запчастями не мог запастись.

– Знал, Михалыч, и видел, как совхоз растаскивали. Только не у всех такая возможность была-прихватизировать.

– Ладно, Василий, не заводись! -как-то мягко, даже ласково сказал Михеев.-Дам я тебе выжимной.

Дробнов сердцем почувствовал, что Михалыч понял его намёк насчёт «прихватизации». Жена Михеева, Людмила, моложе его, работала тогда в совхозе завскладом. Ходили тогда разговоры, что крутила она романы с нужными людьми. Михеев с этим явлением боролся, грозился даже разводом. Но однажды супруга ему прямо сказала:

– Сиди уж да помалкивай. Только и умеешь навоз убирать. Даже в постели от тебя толку нет. Прикидываются все у нас чистенькими да честенькими, а копнёшь-глаза на лоб лезут.

Дробнова эти сплетни мало интересовали и он больше склонялся к мнению, что важную роль в успехах Михеевой играла её родственница, занимавшая не последнюю должность в Областном Правительстве. Как бы там ни было,

но после откровенного разговора с женой Михалыч язык прикусил.

Михеев куда-то вышел, а Василий тем временем размышлял. Вроде, мужик как мужик этот Михалыч. Не прочь, бывало, и выпить в компании. Но вот что-то в нём есть такое, за что к нему относились настороженно и на работе, и вообще. Всё-то он прибедняется, всё-то он, что

на общее благо, скрипя зубами делает. Одной «списанной» техники на своё подворье сколько переташил, а потом распродавал. Всё это, конечно, благодаря супруге своей. Вот и верь после этого, что женщины слабые созданы.

Михеев вернулся и протянул Василию кулёк из замасляной бумаги.

– Спасибо, Михалыч! – пряча кулёк в карман куртки, произнёс Дробнов. – Сколько я тебе должен?

Михеев отвёл взгляд и усмехнулся.

– Сочтёмся когда-нибудь, как говорится, – сказал он, и на правах выручателя добавил. – Эх, Василий, жить-то уметь надо.

Василий промолчал. Не давал ему слово сказать замасленный кулёк, который, словно раскалённое железо, прожигал карман куртки, доставая до самого тела. И вдруг Дробнову стало не по себе: ведь по сути Михеев одалживал ему украденную в совхозе запчасть. Окажись на месте Василия другой, Михалыч спросил бы за этот выжимной дорого. Но Дробнов хорошо разбирался в технике, чего нельзя сказать про Михеева, который частенько обращался за помощью к Василию: то клапаны подрегулировать, то зажигание или карбюратор.

– Ты надолго приехал? – спросил вдруг Михалыч. – Опять в Москву уедешь?

– В Москву? – усмехнулся Дробнов и задумался.

Про Москву ему вспоминать не хотелось. Когда совхоз, на котором, в общем-то, держалась жизнь села, вконец развалился, многие сельчане побежали кто куда. Дробнову бежать никуда не хотелось. Решил он заняться фермерством. Но, как говорит Михалыч, только со стороны хорошо смотреть. Сложившаяся обстановка напоминала отмену крепостного права при Александре², когда крестьянам дали вольную и выпустили ко всем чертям с пустыми руками. Что мог сделать фермер, имея в арсенале не больше трёх единиц техники, да и та на ладан дышала. Урожая не хватило даже на то, чтобы расплатиться за запчасти и ГСМ. Всё, в том числе и живность с подворья пришлось распродать, чтобы расплатиться с долгами. Жена Тамара, работавшая учителем в школе, предложила попытать счастья в Москве, благо, что там живёт её тётя.

Решились не сразу. Не так просто было поменять сельский уклад жизни на городской. Да и страшно было оставлять дом без присмотра. Быстро всё растащут, да ещё и сожгут. Валентина Терентьева, приходившаяся Дробнову двоюродной тётей, которой едва перевалило за пятьдесят, приглядывая за их домом наотрез отказалась. Работала она бухгалтером в школе и жила на другом конце села одна. Несколько лет назад схоронила Валентина мужа, который отравился уксусной кислотой. Не то чтобы пьяница был, просто с похмелья перепутал бутылки. Василий с пониманием отнёсся к отказу Валентины: за своим-то домом нужен глаз да глаз. Помогла тогда соседка Дробновых, одинокая пенсионерка Дарья Петровна Пронина, перешагнувшая семидесятилетний рубеж.

Тамара устроилась в Москве в торговую компанию, сам же Дробнов водителем к частнику. Привыкал к городской жизни Василий тяжело. Постоянно тянуло домой, по ночам снилось родное село. Да тут ещё запудрил Тамаре мозги москвич, выдававший себя за большого начальника. Начались рестораны, ночные прогулки. В общем, понеслось. Василий пытался бороться с этим явлением, но безуспешно. Наконец нервы сдали и он махнул домой, чтобы успокоиться и решить, что делать дальше.

– На Севере кореш работает начальником, – качнувшись на стуле, сказал Василий. – А в Москву мне не хочется. Не нашими мощами там чудеса творить.

– Эх, как всё перевернулось, – с наигранным сочувствием промолвил Михеев. – Оно, как говорится, жизнь прожить – не поле перейти.

Дробнов усмехнулся, чувствуя всем нутром, что в душе Михалыч злорадствует, мол, красивой жизни захотелось – обломал рога-то.

– Одно слово – реформы, – выдохнул Михеев.

- Да ладно, реформы, -выпалил Василий.-Всё теперь можно на реформы сваливать.
- Оно, как говорится, мы люди маленькие.

Василий, окатив Михеева сердитым взглядом, напомнил:

– Михалыч, а не мы ли в ладоши хлопали, когда на последнем собрании решено было наш совхоз в аренду одной промышленной компании сдать. Обещаны тогда были золотые горы.

– Эх, Василий, кто ж тогда знал. Время было смутное, совхоз трещал по швам-вот и цеплялись за каждую соломинку.

Надолго запомнилось Дробнову то собрание, проходившее в Доме животноводов, который к тому времени представлял из себя жалкое зрелище. Большая часть стульев была поломана, растаскана, а потому устроились кто как мог. Одни сидели на каких-то ящиках, подвернувшихся по пути, другие и вовсе стояли, прислонившись к обшарпанной стене, на которой каким-то чудом сохранились остатки наглядной агитации доперестроечных времён, да запыленный портрет вождя мирового пролетариата.

– Что, батенька, демократии захотелось? -говорило с портрета выражение лица Владимира Ильича.-Коммунизм-то профукали. Но смею вас заверить, что мы ещё придём к полной и всеобщей победе наших идеалов. Советская власть до всех доберётся!

Директор совхоза Андрей Сергеевич Рыков тогда честно признал, что положение в хозяйстве критическое. Объявил, что есть предложение передать совхоз одной крупной компании в аренду, тем более, что эта компания помогает хозяйству последнее время держаться на плаву. Совхоз столько уже задолжал, что не в состоянии расплатиться.

– Всё понятно, -подытожил тогда Дробнов, -нас давно уже всех продали с потрохами.

– Не надо, Василий Николаевич! Не надо! -оборвал его директор.-Никто вас никому не продавал, и сейчас без вашего согласия ничего не решится.

– Но дело в том, -заявил о себе глава района Кузнецов, -что своими силами вам уже не удержать совхоз.

Выступил и представитель той компании, молодой мужчина. Обрисовал в радужном цвете перспективы, заверил, что никто не останется без работы и зарплаты.

– Чего призадумались, труженики вы мои?! -с пафосом обратился Рыков.-Преодолеем мы этот кризис. Не впервой нам неприступные крепости штурмовать.

– Оно, как говорится, где наше не пропадало, -поддержал директора Михеев.

Вот только бурных аплодисментов не последовало. Глаза людей выражали досаду и беспокойство, хотя в душе ещё теплилась надежда. Ведь многие из них отдали этому совхозу все свои силы, а у многих ещё их прародители стояли у истоков этого хозяйства. Высокую цену заплатили люди, чтобы поднять, довести до процветания этот совхоз.

Всего два года понадобилось арендаторам, чтобы от совхоза остались лишь воспоминания.

Дробнов тяжело, словно придавленный грузом воспоминаний, поднялся со стула.

– Подожди, Василий, не спеши, -остановил его Михеев-Тут дело такое. Оно, как говорится, Людмила моя хочет какой-то бизнес наладить.

– Торговлю, что ли? -прогудел Дробнов.-Так у вас есть свой магазин.

– Магазин магазином, будь он неладен. Одни хлопоты от этого магазина. Какой-то цех хочет открыть.

– Поздравляю! -не понимая, к чему клонит Михалыч, выпалил Василий.

Михеев засопел, потёр ладонью наморщенный лоб и произнёс:

– Отговаривал я её. К лешему весь этот бизнес, без него бы прожили. Из меня в этом деле помощник плохой. Так нет, и слушать не хочет. Вот только помощника ей бы надо. Я, как говорится, тебе ничего не предлагаю, но...

– Понял я тебя, Михалыч. Вот только я на эту роль не гожусь.

Михеев засопел ещё сильнее, и когда прощались, Василий ощутил дрожь в его руке.

Оказавшись за воротами дома Михеевых, Дробнов пробурчал:

– Всё по своим норам растащили, а теперь жить учат.

НЕ сделав и десяти шагов, повстречал двух знакомых мужиков, с отёкшими, небритыми физиономиями.

– Михалыч дома? -спросил один из них.

– Дома, -ответил Василий и поинтересовался.-Железку какую-нибудь надо?

– Нет, -ответили мужики.-Подрабатываем мы у него. Скотину накормить, в конюшне почистить.

По дороге домой поймал себя на мысли, что в глубине его души притаилась не зависть, нет. Там спряталась досада, что жизнь его, как строптивый конь, которого он пытается оседлать, но пока безуспешно.

Вернувшись домой, Василий решил заняться ремонтом своего внедорожника. Но позвонила Терентьева, узнавшая о его приезде, пригласила в гости. Должно быть, стораает от любопытства, нетерпится расспросить, что да как, узнать про жизнь в столице.

Валентина встретила своего двоюродного племянника радушно. Пышногрудая, разруганная и, как заметил Василий, под «мухой». Видать, что после банного пара, в одном халатике. Дробнову даже неловко стало.

– Чего такой стеснительный, -весело заговорила женщина.-Чай, не съем я тебя, москвич.

– Не обижай, -отпарировал Василий, уловив в последнем слове Валентины язвительную насмешку.-Все мои праматери и праотцы были простыми крестьянами. Вот и я был, есть и буду сельским жителем.

– Узнаю дробновский характер. Молодец, Вася! -не жалея лестных слов, сказала Валентина и предложила Дробнову попариться в бане, которая ещё не остыла. А потом можно будет поговорить.

Василий вдруг вспомнил далёкие годы детства. Когда Валентина была ещё незамужней. Проводили тогда родители Ваську в баню к тёте Вале. Васька ждал в предбаннике, пока Валентина хлесталась берёзовым веником. Вдруг дверь тогда распахнулась, и Валентина, завидев Ваську, рассмеялась.

– Чего мёрзнешь! -весело прикрикнула она.-А-ну, заходи! Чай, не съем я тебя.

С этими словами затащила Ваську в баню, где было жарко и витал свойственный только этому строению аромат. Принялась раздевать Ваську, у которого почему-то закружилась голова.

– Не бойся, глупый, -приговаривала Валентина. Потом намыливала Ваську, обливала тёплой водой, испытывая при этом наслаждение.

Вспомнив это, Василий даже покраснел и поспешил в баню, которая находилась под одной крышей с сараем. Полежал на полке, вдыхая горячий, духмяный воздух. Вскоре по телу побежали ручейки. Плеснул на каменку отвара из берёзовых листьев, душицы, мяты. Вдыхая аромат, принялся охаживать себя берёзовым веником, который оказался огненным, по одному месту дважды не хлестнёшь. Знает толк в банях Валентина, неспроста она такая здоровая. Закончив процедуру с веником, Василий долго обливался водой из бака. Затем, уже одевшись, присел на скамейку в предбаннике, чтобы перевести дух. Со двора донеслись торопливые шаги и вскоре дверь распахнулась.

– Не угорел? Не запарился? -пропела Валентина.

Василий обернулся и тут же отвёл взгляд от обнажённого наполовину её пышного бюста.

– Чего застеснялся? Баб голых не видел! – с усмешкой на сочных губах сказала Валентина. Постояв несколько секунд, словно в замешательстве, выскочила из предбанника.

– Выпьешь после пара-то? -спросила Терентьева, когда Василий оказался в комнате, где на столе уже стояла бутылка с красивой этикеткой и тарелка с закуской.

Дробнов молча кивнул головой, присаживаясь за столом. Отнекиваться не стал. И не только потому, что был голоден. Не хотелось Дробнову ненароком обидеть эту женщину. И так-то родственников кот наплакал.

– Давай, Вася, выпьем, -нарушила тишину Валентина.-Не так уж часто нам приходится вместе сидеть за столом.

Дробнов поднял рюмку, посмотрел на неё так, словно в ней была спрятана тайна всей его жизни. Опрокинул содержимое в рот, удовлетворённо выдохнул и произнёс:

– От коньяка не отличить.

– Своя-то лучше и безопаснее, -сказала Валентина.-Сколько народу отравилось всякой гадостью.

После небольшой паузы Терентьева плавно перешла к разговору о жизни. Выспрашивала про Москву. Говорят, что там все живут богато, и даже уборщицы получают больше, чем в провинции учителя и врачи.

– Я бы не сказал, что все там богатеи, -резюмировал Дробнов.-В Москве возможностей больше. К тому же всё относительно.

Василий всё ждал, что родственница начнёт расспрашивать про Тамару, про их отношения. Но Валентина про это даже не заикнулась: или догадывалась, или сарафанное радио ей сообщило. Она лишь констатировала, что время сегодня непростое. Когда и за старое цепляться нет смысла, и грядущее пугает. Она снова наполнила рюмки и вкрадчиво поинтересовалась, надолго ли Василий приехал в родное село.

– Говорят, Людмила Михеева крутой бизнесменшей стала, -неожиданно перевёл разговор в другое русло Дробнов.-Михалыч мне намекнул, что ей помощник нужен.

Валентина, поморщив губы, покачала головой, тяжело вздохнула и заговорила:

– Бизнесвумен Людмила Алексеевна. Полсовхоза с муженьком перетащили на своё подворье. Можно так свои магазины открывать. Но это ещё ладно. Не они, так другие бы растащили.

Эти хоть свои. К тому же Людка-то всё-таки для села старается. То на детский садик денег даст, то на церковь, то пенсионерам скидку сделает. А вот арендаторы-то всё угрохали.

Посмотрев испытывающим взглядом на Василия, Валентина, снова наполнив рюмки, вдруг заявила:

– Вот только характер у Людки непростой. В её магазине продавцы надолго не задерживаются. Теперь задумала она колбасный и молокоперерабатывающий цех открыть. Арендаторы-то не всё успели разгромить, вот Людка их и прибрала к рукам. Смотри, свяжешься с ней, не рад будешь.

– А я и не собирался, -усмехнулся Дробнов.-Есть много других вариантов.

За окном сгущались сумерки, и когда Дробнов, не скупясь на слова благодарности, встал из-за стола, Валентина предложила:

– Может, у меня переночуешь?

Василий от такого предложения застыл в растерянности.

– Спасибо. Пойдут потом разговоры, -тихо сказал он.

– Разговоры, -промолвила Валентина.-Не боюсь я никаких разговоров. Я женщина свободная.

Вдруг она осеклась. Глаза наполнились тоской и грустью. Вероятно, она осознала, что вся её свобода-это всего лишь поза, игра. От чего она свободна: от своего прошлого? От настоящего? От будущего?

На улице не было ни души. Лишь лай собак нарушал тишину. В небе мерцали первые звёзды. Весенний ветер навевал грустные мысли. В былые-то времена в эту пору в полях гудели тракторы, готовили землю к севу. Теперь там тихо, только ветер гуляет. После городской суеты здесь всё тонуло в тишине и задумчивости. Словно вся окрестность, впитав в себя мысли

людей, решала важные проблемы. Сама природа как бы напоминала, что всё в жизни взаимосвязано, и одна проблема рождает другую, третью и так до тех пор, пока они не соберутся в запутанный клубок, распутать который будет сложно.

Дома Дробнову снилась какая-то жуть. Среди ночи в улице случился пожар. Вспыхнул дом одинокой пенсионерки Ерёминой. Должно быть, воры в сарае шарили и, не найдя ничего подходящего, с досады бросили окурки в охапку сухой травы. Позвонили соседи в пожарную охрану, а там всей команды-Виктор Зубов, почётный пенсионер. Спросонья он даже ключи зажигания от пожарной машины не сразу нашёл. А когда добрался до места пожара, оказалось, что в цистерне нет воды.

Собравшийся народ топчется возле горящего дома, словно желая погреться на дармовщину. Со всех сторон слышатся команды, каждый стремится руководить, правда, неизвестно кем и чем.

– А в доме-то есть кто живой? -слышится голос из толпы. И тут в ответ из горящего жилища доносится:

– Погибаю, родимые! Караул!

Это подаёт голос Ерёмин Евдокия Павловна. От страха бабка не может сообразить, что делать. В толпе оживляются, было, но никто не решается подойти ближе к огню. И тут он, Василий Дробнов, осенив себя крестным знаменем, выходит из толпы.

– Не поминайте лихом, люди добрые! -с пафосом говорит он и бросается в огонь. Задыхаясь в дыму, с трудом вытаскивает из-под кровати перепуганную Ерёмину. Выбивает ногой оконную раму и выталкивает бабку наружу. А вот сам геройски погибает.

Хоронили Дробнова всем селом. Сельская администрация даже денег на духовой оркестр наскребла. У могилы с горячей речью выступила глава поселения Екатерина Олеговна Потапова, которую в селе называют Екатериной Великой, правда, непонятно, за какие заслуги.

– Да мы ему, нашему герою, -в душевном порыве произносит Потапова, -памятник из бронзы поставим.

А директор совхоза Рыков тычет ей локтем в бок, мол, какая бронза, на железный крест еле денег наскребли.

Поминки устроили, конечно, пышные, особенно водки было много. И здесь не обошлось без пламенных речей и откровенных признаний.

– Зачем ты, Вася, в огонь полез? -рыдая, лепечет Ерёмин.-Мне всё одно скоро помирать, а тебе жить бы да жить.

Односельчанин Фёдор Метёлкин, после гранёного по рубец, лезет обнимать овдовевшую Тамару и бормочет:

– Картина ты моя, я тебя в беде не оставлю.

– Тихо, граждане! -воскреснув, заявляет о себе Василий.-Я без вас решу все проблемы.

Проснувшись, Дробнов вышел во двор. Заглянул в сад, окинул взглядом поросший разнотравьем огород. Всё здесь было родным и в то же время одичавшим. Внезапно вернулось то состояние души, какое бывало в эту пору, когда сельчанин был полон забот, готовясь к севу. Не успел Василий ещё оценить обстановку, как с улицы донёсся едва уловимый писк тормозов, за которым последовал переливистый голос клаксона.

Выйдя за ворота, в глаза Дробнову бросилась серебристого цвета «девятка» и женщина возле неё, в которой Василий сразу же узнал Людмилу Михееву. Лёгкий ветерок игриво ворошил её золотистые волосы, придавая её лицу романтичность. И вообще, весь её внешний вид говорил, что эта женщина умеет ухаживать за собой. Просто красавица. И лишь взгляд её лукаво прищуренных глаз заставлял внимательного собеседника настораживаться.

– Ну, здравствуй, москвич! -шагнув навстречу Дробнову, пропела серебряным голосом Михеева.

Василий с недоумением посмотрев на неожиданную гостью, поздоровался, пытаясь изобразить на своём лице улыбку.

– Чего такой сердитый? – снова подала голос Михеева.-Не переживай, спрашивать ни о чём не буду.

– А я и не переживаю, -произнёс наконец Дробнов.-Просто недоумеваю, с чего бы это вдруг моя скромная персона понадобилась...

– Не надо, Вася, -оборвала его Людмила.-Вижу, что не рад.

Дробнов улыбнулся и пригласил неожиданную гостью в дом, не надеясь, что Людмила примет его приглашение. Однако Михеева, с лукавым прищуром взглянув на мужчину, от предложения не отказалась, что Василия даже смутило.

– Не боишься сплетен? -спросил Дробнов, когда Людмила поудобнее распложилась в кресле.

– Нет, -ответила она.-На каждый роток не накинешь платок.

Дробнов решил заварить кофе, но Людмила остановила его.

– Вообще-то, я по делу, -заявила она.-Для начала мне нужен водитель. Поставщики за каждый рейс берут по пять тысяч. За месяц набегает приличная сумма. Машина «Газель» есть своя.

– В Дарьино перевелись мужики, умеющие управлять машинами? -понимая, к чему клонит Михеева, усмехнулся Василий.

– Представь себе, -вспыхнула Людмила.-То загудят на две недели, то аварию совершат. В общем, выбрать-то некого.

Дробнов молчал, не решаясь открыть рот. Людмила продолжала:

– Сколько продавцов пришлось поменять. Ходят сплетни, что я на них недостачу вешаю. Чушь. В людях всё ещё сидит синдром советских времён. Тогда же считалось, что у государства всего много, можно тащить-не убудет.

Всё это Дробнов прекрасно знал и помнил, как обкрадывали магазины в селе. Воров, как правило, не находили. Зато у продавцов после этого откуда-то брались деньги на «жигули». Был, правда, случай, когда Олег Трифонов, мучимый похмельным синдромом, среди ночи разбил окно и вынес из магазина три бутылки «пшеничной» да несколько банок тушёнки. Тогда на этого Олега столько повесили. А директор коопторга Елена Поспелова вскоре дочери кирпичный дом построила. Но всё это мелочь на фоне современной растащивки.

Михеева вопросительно посмотрела на Василия. Дробнов с мучительной улыбкой на губах едва выдавил:

– Надо подумать.

– Подумай, Вася, подумай, -поднимаясь с кресла, сказала Людмила.-Магазин-это так, между делом. Колбасу свою будем производить, молочные продукты. У людей будет стимул держать на личном подворье живность.

– А у тебя хорошая соседка теперь. Старшим продавцом у меня работает.

Михеева буквально растворилась. После неё в комнате остался аромат дорогого парфюма, и Дробнову казалось, что Людмила всё ещё сидит в кресле, став лишь невидимой. В голове Василия мелькнула мысль, что его внутренняя свобода, когда есть возможность выбирать и найти выход из сложившейся ситуации, вдруг поколебалась. Пытаясь отбросить назойливую мысль, Дробнов принялся за ремонт внедорожника.

Глава 2

Прежде чем опуститься на скамейку перед оградой, Василий трижды перекрестился. Отец его всю жизнь проработал в совхозе электриком. И хоть не имел он высшего образования, но за пояс мог заткнуть иного дипломированного энергетика. Был даже случай, когда присланный из района специалист битый час искал вторую фазу в бытовой розетке. В электрике отец разбирался отменно. В селе он слыл безотказным и добрым. Электропроводку в доме заменить, прибор какой починить – бежали к нему. За выполненную работу денег он не спрашивал. Кто посовестливее, деньги клали ему в карман. Кто поскупее, расплачивались двумя словами: «Сочтёмся, Дмитрич.»

А вот погиб отец нелепо. Во время грозы выключился трансформатор, который питает улицу. Едва дождь кончился, прибежала Еремиха с другого конца улицы и упросила отца включить, а то она «Барбару» не посмотрит. Молния будто нарочно поджидала отца. Только он руку протянул к автомату, а она как рванёт. До приезда «скорой» зарывали отца в землю. Но ничего не помогло. Мать после этого недолго протеплилась.

Побывав на погосте, Дробнов решил заглянуть к старому приятелю Борису Лямкину. После попытки заработать на стороне Борис осел в родном селе и занялся приёмом металлолома. Жена Лариса, работавшая до развала совхоза бухгалтером, теперь помогала мужу. Борис не ограничился вторчерметом, а обзавелся металлоискателем и занимался поиском кладов.

Борис был дома. Увидев Дробнова, радостно воскликнул:

– До чего люблю приятные сюрпризы!

Расположились на кухне, и не успел Василий глазом моргнуть, как на столе появились бутылка и тарелка с закуской. После первой же рюмки Лямкин вдруг вышел и вскоре появился с небольшой шкатулкой в руках.

– Когда с деньгами было совсем плохо, -заговорил Борис, -решил я продать коллекцию монет. Нашёл одного коллекционера. После разговора с ним решил я заняться поиском кладов.

– Помню я такое дело, -прогудел Дробнов.-Помню, как ты на стройку ездил куда-то в Подмосковье.

– Стройка, -недовольно произнёс Борис.-Надули нас на всю катушку. Условия были хуже, чем у военнопленных.

Василий с сочувствием вздохнул. Лямкин, выдержав паузу, продолжил:

– В областном архиве я столько бумаг перечитал. Оказывается, во время пугачёвского бунта в наших краях тоже были события. В одном из архивных документов я вычитал, что в окрестностях нашего Дарьино пугачёвцы схоронили сокровища.

– Ты думаешь, за три столетия их никто не пытался найти? -скептически заметил Василий.

– Пытались, Вася, и не раз, но ничего не нашли. Да потому что искали не там и не так. А вот я разработал план.

Борис достал из шкатулки школьную тетрадь и прикрыл её ладонью, словно боясь, что её содержимое может сбежать со страниц. Заверив, что план его надёжный, снова спрятал тетрадь, а вместо неё в руке оказалось несколько предметов, похожих на монеты.

– Они, конечно, не золотые, -вымолвил Борис, -но представляют историческую ценность.

Дробнов не знал, как реагировать на признание Бориса, который показался ему наивным мечтателем.

– Найду сокровища и махну в Австралию, -без тени сомнения заявил Лямкин.-Континент спокойный. Ни войн тебе, ни революций.

– А Лариса как на это смотрит? -спросил Дробнов.

– А что Лариса? Она не против. Израсходует Россия все запасы нефти и газа, и наступит здесь каменный век. Скоро всё здесь рухнет. Одни магазины останутся, правда, без покупателей.

Борис явно захмелел. Он в упор посмотрел на Дробнова и сказал:

– Присоединяйся ко мне, Вася. Сокровищ там хватит.

– Надо подумать, -выдохнул Василий.

– Вот уж ночь за окном, но не спится ничуть, -затянул вдруг Борис.-Я хочу за кордон этим утром махнуть.

С минуту помолчав, Лямкин резко сменил тему:

– Кстати, тебя, Вася, Семёныч ждёт. Смастерил он вертолёт, а взлетать в небо без тебя не хочет. Говорит, что когда-то поклялся.

Дробнов представил в мыслях образ друга детства Александра Семёновича Борисова, который прослыл в селе башковитым. Постоянно чего-то изобретал, конструировал. Мини-электростанцию на ветряной тяге смастерил. А про его аэросани даже в газетах писали. Ещё тогда у Сашки зародилась мечта построить вертолёт. Но финансовое состояние семьи не позволяло воплотиться мечте в реальность. Хотя эта же мечта помогла ему стать вертолётчиком. Работал Борисов на Севере, в Сибири. Схоронив родителей, обосновался в родном селе. И ведь действительно поклялся Сашка, что сделает свой вертолёт и вместе с Василием поднимется в небо, чтобы с высоты посмотреть на родное село.

– Ну, Семёныч! Не забыл! -выдохнул Василий.

Лямкин скрипнул зубами, изменившись в лице, и настойчиво спросил:

– Ну, Василий, летим в Австралию?

– Летим, -выдохнул Дробнов.-Вот только сокровища вначале нужно найти.

– Найдём! -снова скрипнув зубами, заключил Борис и добавил.-В общем, жди сигнала.

Глава 3

От того неказистого домика, в котором когда-то Сашка жил с родителями, почти ничего не осталось. Теперь на этом месте стоял добротный дом с пластиковыми окнами, одетый в сайдинг. Вокруг забор из профнастила. Ворота были не заперты, и со двора доносился визг «болгарки». Со звонким лаем навстречу Дробнову бросился небольшой пёсик из семейства дворняжек. Обнюхав ноги Василия, и, поняв своим собачьим чутьём, что человек пришёл с добрыми намерениями, пёсик, с белыми пятнами на чёрной шерсти, встал на задние лапы и затанцевал.

– Шустик, кто к нам пришёл? -послышался мужской голос из-за сарая, и вскоре среднего роста мужчина, широко улыбаясь, торопливо зашагал по бетонированной дорожке навстречу Дробнову.

– А ты почти не изменился, Семёныч, -пожимая Борисову руку, заметил Василий.-Не постарел.

– Жизнь заставляет держать себя в форме, -не замедлил с ответом Александр Семёнович.-Загнёшься, не дай Бог, и выбросят тебя на помойку. Ухаживать за мной некому.

Василий знал, что Борисов пытался завести семью, но что-то не заладилось. Больше на женщин он не заглядывался.

Александр Семёнович взял Василия под локоть и зашагал в глубь двора, в самом конце которого, под развесистой берёзой, виднелась скамейка и небольшой столик. Возле кирпичного гаража поблёскивала на солнце синего цвета «Нива», а из распахнутой двери выглядывал капот ещё одного автомобиля.

– Нива моя, а «Пежо» Игорь Ковров попросил посмотреть. Что-то с «мозгами» стряслось. Понакупили иномарок, а сами в них ни в зуб ногой, -не останавливаясь, объяснял Борисов.-На станции-то три шкуры сдерут, вот и волокут ко мне.

За столиком Александр Семёнович закрыл вдруг глаза, концентрируя, вероятно, таким образом внимание, а потом произнёс:

– Ну, вот и пробил час.

С лицом, выразившим восторг, Борисов повёл Василия на середину двора, где стояло что-то большое, накрытое брезентом. И когда Дробнов помог снять это покрывало и взору предстал настоящий, только меньшего размера, вертолёт, Борисов заулыбался так, что ряд его белоснежных зубов заблестел на солнце, будто вторя блеску летательного аппарата.

– Вот, -слегка дрожащим голосом сказал Борисов, -своими руками.

Он глубоко вздохнул, и были в этом вздохе гордость и трепет.

– И когда первый полёт? -разделяя восторг Борисова, спросил Василий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.